

ОТЪ БОСФОРА ДО ЯФЫ.

(Б р а т у).

Вѣрный своему обѣщанію писать вамъ «съ дороги», спѣшу выполнить данное слово. Не надѣюсь сообщить ни новое что нибудь, ни сколько нибудь интересное; но, полагая, что всякое летучее слово путешествующаго имѣетъ нѣкоторое значеніе въ глазахъ сидящаго дома, рѣшаюсь представить послѣднему родъ дневника изъ 12-дневнаго пребыванія своего на пути *отъ Босфора до Яфы*.

Константинополь. 25 сент. 1868 г. Послѣдній день пребыванія моего въ Царѣградѣ. Могу сказать, что уже и послѣдній часъ. По возможности исполнилъ долгъ, лежащій на всякомъ русскомъ, посѣщающемъ Константинополь. Видѣлъ *св. Софію* снаружи и изнутри (съ хоръ), и перестрадать сердцемъ за весь тревожный періодъ ея христіанскаго существованія. Былъ во *Влахернѣ*, и слышалъ тамъ, что есть намѣреніе строить на мѣстѣ бывшаго великаго храма Богоматери новую церковь. При этомъ позволилъ себѣ не усомниться, что и русская лепта приметъ свою долю участія въ дѣлѣ, столько близкомъ Россіи, по воспоминаніямъ ея давно-минувшаго блага. Ходилъ и къ *живоносному источнику*, за стѣнами стараго города къ югозападу, и умывался его цѣлебною водою. Прекрасное мѣсто, осыненное цѣлою рощею кипарисовъ и другихъ деревьевъ, напоминавшее мнѣ наши

родныя дубравы. Посѣтилъ съ десятокъ ¹⁾ древнихъ церквей Византіи, обращенныхъ теперь въ мечети, изъ коихъ двѣ имѣютъ въ себѣ еще мозаическія иконы. Грустное и умирительное зрѣлище! Видѣлъ убогую и нечальную, и даже какъ бы страшную, *вселенскую патріархію*, и тѣ закованные ворота ея, передъ которыми былъ повѣшенъ патріархъ Григорій V. Принялъ благословеніе преемника и соименника его, нынѣ занимающаго вселенскій престолъ. Спускался въ великую систерну, называемую турками *тысяча одна колонна*, и жалѣлъ, что сырость мѣста не позволила мнѣ списать множество древнихъ монограммъ, начерченныхъ на колоннахъ, и повидимому означающихъ имя трудившагося мастера. Былъ въ оттоманскомъ музеѣ чучель и бранныхъ доспѣховъ, гдѣ есть нѣсколько камней и кирпичей съ византійскими надписями. Прошелся по древнему Ристалищу съ двумя обелисками и пресловутымъ дельфійскимъ триножникомъ въ видѣ трехъ, свившихся столбомъ змѣй. Что еще? Въ добавокъ видѣлъ (издали) 15--20 дворцовъ султанскихъ; между коими есть превосходящіе красотою все, что мнѣ до сихъ поръ удавалось видѣть въ этомъ родѣ. Одинъ изъ нихъ вотъ и еще мнѣ видѣнъ нѣсколько въ глубинѣ перспективы Босфора. До глаза доносится ослѣпительный лучъ кровли новаго хрустального дворца. Старой Византіи и во снѣ не грезилось

¹⁾ Св. *Принны*, свв. *Сергія* и *Вакха* (малая св. Софія), *студійскій монастырь* (Ахорь-джами), *Вседержителя* (Калися-джами), *Всесвѣдѣна* (Παντὸπότης), *Спаса на селѣ* (Кахріе-джами), *Всблаженной* (Фетье-джами), *Пречистой*, *Прикладной* или заглядѣнной (Περιβλέπτου), св. *Екатерины* (или *Теодора Тирона*), а по мнѣнію европейцевъ—ислѣдователей, *Богородицы*, св. *Теодосіи* (Гюль-джами) и двѣ-три безыменныхъ. При обозрѣніи всѣхъ ихъ, я пользовался обязательнымъ руководствомъ нашего неутомимаго изслѣдователя древностей, достопочтеннѣйшаго о. архимандрита нашей константинопольской церкви, *Леониды*, приготовившаго къ печати цѣлое сочиненіе о сказанныхъ церквяхъ съ рисунками.

конечно подобное великолѣпіе. Но и то надобно сказать, что ей въ самые тяжкіе болѣзненные сны никогда бы не приснился на Константиновомъ тропѣ Абд-уль-Азисъ!

Въ 4 часа долженъ былъ отправиться нашъ «Аскольдъ». Ровно въ 4 онъ снялся съ якоря, но около получаса еще ходилъ взадъ и впередъ по пристани, ожидая, какъ говорили, почты, и давая намъ случай еще разъ съ разныхъ точекъ насмотрѣться на необъятный городъ, городъ въ преимущественномъ смыслѣ, какъ до сихъ поръ еще греки называютъ свою бывшую столицу. Наконецъ мы идемъ впередъ не возвратно. Огибаемъ Дворцовый мысъ (Серай-бурну), за которымъ мало-помалу скрывается «онъ-полъ» (*нера*) города, сперва мостъ, потомъ галатская башня, затѣмъ русскій дворецъ (Москов-серай), а наконецъ и вся *Галатà* и весь Босфоръ. Остаются 'для взора древній *Хрисополь* (Скутари) и древнѣйшій *Халкидонъ* (Кадикей), горѣвшіе на тотъ разъ въ тысячахъ огней подъ лучами заходящаго солнца. Цоравнялись съ св. Софіею. Прощай и спи до радостнаго утра! Плыдемъ вдоль стѣны Константинополя. Вотъ мѣсто, на которомъ третьяго дня бросилъ въ нашу лодку камнемъ съ берега молодой полякъ, одѣтый казакомъ и состоящій на службѣ у «турскаго цесаря», когда мы возвращались изъ студійскаго монастыря. Когда турки перестали кидать камнями въ христіанъ, то начали дѣлать это христіане! Вотъ предполагаемый дворецъ *Буколеонъ*, вотъ пристань *Катера*, вотъ наконецъ и *Семибашенный замокъ*, въ который еще не такъ давно, отживающая и здѣсь свой вѣкъ, татарщина садила пословъ Европы. Это крайняя южная точка Константинополя. По лѣвую сторону парохода послѣднюю точкою земли была, почти уже не различавшаяся, группа *Принцевыхъ острововъ*; ихъ также насчитывается семь. Таинственная цифра была моимъ послѣднимъ впечатлѣніемъ на нынѣшній прощальный день. Загадать

развѣ на прощаніе Стамбулу еще 7 царствованій? Нѣтъ, много. Или 7 лѣтъ? конечно не я скажу: мало.

Эмиспонтъ. 26 сент. «Путь, нже сѣтъ въ Іерусалимъ. Отъ Царяграда по лукоморію ити 300 верстъ до великого моря. До Цеталы острова 100 верстъ.. отъ Цеталы до Калиполя 100 верстъ.. отъ Калиполя 50 верстъ до Авиды града.. а оттуду до Криты 20 верстъ.. а отъ Криты до Тенеда острова 30 верстъ». Такъ считалъ въ свое время нашъ первопаломникъ Даніилъ. *Петалою*, очевидно, въ его время называлась группа острововъ, идущихъ въ море отъ полуострова кизическаго въ видѣ подковы, а по гречески *Петало*, изъ коихъ наибольшій зовется теперь *Мармаръ*, давшій, уже въ позднѣйшее конечно время, свое имя всему Передпонтію (Пропонтидѣ). Счетъ у паломника вѣренъ. Отъ Константинополя до Мармара считается съ небольшимъ 60 миль, т. е. около 105 теперешнихъ нашихъ верстъ. Все это пространство мы проплыли ночью. Когда я утромъ вышелъ на верхъ, то Даніилова Петала была уже далеко за нами, и почти сливалась съ кизическимъ берегомъ. Мы оканчивали вторую сотню верстъ, т. е. подходили къ Калиполю. Провели ночь холодную. Надъ всей палубой растянуть былъ полотняный навѣсъ, что, безъ сомнѣнія, не мало бѣдныхъ людей предохранило отъ простуды. Но чуть взошло солнце, вдругъ все потеплѣло и повеселѣло. Минули *Каллипомъ* съ правой и *Лампсакъ* съ лѣвой стороны пролива. О послѣднемъ паломникъ нашъ не упоминаетъ. Столько пригодное и полезное поклоннику указаніе придорожной святыни любознательный мнихъ и игуменъ началъ съ города *Авиды*, противъ котораго, по его сказанію, «лежитъ святой Евфимей Новый». Но онъ могъ бы начать еще съ Халкидона, гдѣ былъ гробъ св. мученицы *Евфиміи*. Если слово *лежитъ* принять въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно—*пострадалъ* или *успокоился*, то

къ имени всехвальной мученицы мы присоединимъ еще имена двухъ епископовъ халкидонскихъ, *Никиты* и *Козмы*, и одного мученика *Секутора* (13 апр.), принадлежащаго также Халкидону. Затѣмъ городъ Ираклія дастъ намъ для памяти имена своихъ мучениковъ: *Феликса* и *Януарія* (7 января), *Каста*, *Виктора*, *Ирина* (1 апр.), мученицъ *Севастіаны* (16 сент.) и *Гликеріи* (13 мая), и 40 дѣвственницъ съ учителемъ ихъ *Аммуномъ* (1 сент.) Въ Кизикѣ страдали извѣстные девятичисленные мученики (29 апр.) и св. мученица *Трифена* (31 января), а равно прославился исповѣдничествомъ и страданіемъ и епископъ мѣста *Эмиліанъ* (8 авг.). Оба города до сихъ поръ остаются митрополіями соименныхъ имъ епархій константинопольскаго патріархата, стоящихъ въ ряду одна третьею, а другая четвертою, одна на сѣверномъ, другая на южномъ берегу Мармарнаго моря и Дарданельскаго пролива. Впрочемъ на островѣ Мармарѣ есть особая епархія, называемая *приконисскою*, по древнему имени острова. Она занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ числѣ 85 митрополій патріархата. Каллиполь, который мы только что минули, образуетъ особую епископію подъ вѣдомствомъ ираклійскаго митрополита. Теперь такихъ епископій три, а когда-то было пятнадцать, и называлась она громкимъ именемъ *европейской*, а иногда скромнѣе—*иракійской*. Кизическая же называлась *эллиспонтской*, и имѣла подъ собою 12 епископій, въ числѣ ихъ и одну, называвшуюся «свято-Корниліевою», или по древнему—*скенсійской*. Въ городѣ этого имени окончилъ дни свои св. *Корнилій Сотникъ*. Напрасно ищутъ теперь мѣста его. Полагаютъ, что оно было на знаменитой горѣ Идѣ. Лампсакъ (утопающій въ зелени и похожій на нѣсколько скученныхъ мызъ), также состоялъ въ числѣ эллиспонтскихъ епископій, и славенъ своимъ святымъ епископомъ *Нарвѣніемъ* (7 февр.) и другимъ епископомъ *Евсхимомъ* (14 марта), и мучени-

комъ *Петромъ* (18 мая). Вообще же къ области Эллиспонта принадлежать еще слѣдующія (мнѣ извѣстныя) имена святыхъ: *Киррина*, *Прима* и *Феогена* мучениковъ (1 янв.), *Менина* (Menignus Fullo?) мученика (15 мар.), *Вассы* мученицы (21 авг.), и столько извѣстныхъ отшельниковъ *Аврамїа* и племянницы его *Марїи*.. Итакъ, пока доѣдешь до града Авиды и до св. Евѳемїа Новаго, есть о чемъ благоговѣнно припомнить и къ кому отнести съ словомъ молитвы.

Пароходъ стоитъ въ *Чанакъ-Кале*—то, что у насъ называется «Дарданеллами». Городокъ съ виду кажется непривлекательнымъ и, видимо, не давшаго происхожденія. Къ пароходу подплываютъ лодки съ провизіей и мѣстными издѣліями, между коими первое мѣсто занимаютъ кувшины, напоминающіе собою фигуру журавля, изъ мѣстной глины съ земнымъ муравленіемъ и сусальнымъ золотомъ, нерѣдко заносимые и къ намъ въ Россію поклонниками, здѣсь же на востокъ извѣстные подъ именемъ *чанакъ*, конечно отъ мѣста производства ихъ. Въ Чанакъ-Кале нѣтъ ничего, на чемъ бы могло остановиться религіозное чувство. Паломникъ—путеводитель даже и не зналъ о немъ. Пользуясь этимъ случаемъ, и дамъ отчетъ о *Дарданѣ* и *Эллѣ*, именами коихъ исторія и географія почтила проливъ. Дарданъ былъ первый (изъ извѣстныхъ) царь сосѣдняго поморья азіятской стороны. Говорятъ, что онъ выстроилъ и знаменитую Трою. Владѣнія его, вѣрно, были очень обширны, и простирались за проливъ до высокихъ «Розовидныхъ» горъ (Родопи), отчего вся та часть Фракіи долго называлась Дарданіей. Что же касается до Эллы, то это была дочь египетскаго царя Аваманта ¹⁾. Осужденная отцомъ

¹⁾ *Авамантъ* царствовалъ въ Вогіи. Тамъ есть и Опы (седмивратныя). Конечно, все происшествіе могло случиться и тамъ. Но вѣроятно, что Авамантъ царствовалъ тутъ по близости на *египетскомъ* полѣ, извѣстномъ въ древности и прилежавшемъ *Адрамитскому* заливу.

своимъ вмѣстѣ съ братомъ Фриксомъ, по наговору мачихи, на смерть, она бѣжала «за море». По повелѣнію «отца жизни» (Ζεύς πατήρ—Jupiter), бѣглецовъ подхватилъ златорунный баранъ и попесъ по водамъ въ отдаленную Колхиду. Элла упала въ воду, и потонула здѣсь въ проливѣ, или, что тоже, морѣ, понтѣ. Отчего и вышелъ Эллиспонтъ. Совѣщусь сказать, а право, при имени баранъ, мнѣ неотступно припоминается Байронъ, который также здѣсь переплывалъ проливъ, сочиняя свою извѣстную «Абидосскую (до *Авида* града) невѣсту». Греки того времени также считали его златоруннымъ.. онъ также имѣлъ полное желаніе спасти отъ истребленія Эллу или Элладу.. Даже Зевесъ тогдашняго политическаго Олимпа помогалъ какъ будто спастись бѣглянкѣ отъ Агаманта (оттомана). Игра звуковъ, конечно; но къ чему же и привести можетъ баснословіе древности, какъ не къ игрѣ? Аккуратный Dictionnaire ¹⁾, которымъ я пользуюсь, насчиталъ 824 крѣпостныхъ орудій, защищающихъ съ обѣихъ сторонъ проливъ. И не смотря на то, прибавляетъ книга, англійская эскадра два раза прорвалась черезъ него въ 1807 г. Куда заноситъ людей (большею частію сосѣдей) желаніе истреблять другъ друга! Тутъ, на правомъ берегу, дрались когда-то аѳиняне со спартанцами. Не нашли мѣста у себя дома! Въ Фарсалѣ дерутся Цезарь съ Помпеемъ! Въ Анкирѣ—Тамерланъ съ Баязидомъ! Въ Полтавѣ.. въ Трѣбнѣ.. въ Ватерло! Но оставимъ дѣла важныя и притомъ давноминувшія. Плыдемъ далѣе. На палубу выходитъ снизу папа, отправляющійся на губернаторство въ Х. Нашъ пароходъ везетъ его до Александретты. Многолюдная прислуга окружаетъ сановника. Сперва мнѣ казалось, что она не смѣетъ и смотрѣть на него отъ безмѣрной разницы между его и своимъ поло-

¹⁾ Dictionnaire universel d'histoire et de géographie par M. N. Bouillet.

женіемъ. При каждомъ вопросѣ его, отвѣчающій встаетъ и дѣлаетъ рукою знакъ почтенія. Такъ было еще сегодня утромъ. Удивился потому я не мало, когда увидѣлъ теперь, что паша отъ нечего дѣлать успѣлся играть въ шашки съ своимъ чернымъ слугою.. Добрый и почтенный старикъ знаетъ по гречески, и въ разговорѣ съ однимъ духовнымъ лицомъ употреблялъ даже выраженіе: «вашими молитвами».. На русской территоріи турокъ и грекъ говорятъ другъ другу такіа вѣжливости! Какъ перемѣнились «времена и нравы»! А вѣдь можно бы еще какъ будто слышать на берегахъ сосѣдняго *Граника* остервенѣлый бой Александра съ Даріемъ и Лукулла съ Митридатомъ, на чужой землѣ догрызающихъ другъ друга! Выходимъ въ «великое море», начинается волненіе а съ нимъ и круженіе головы. Оттого и мысли возвращаются тѣже.. Берега все болѣе и болѣе расходятся. «На лѣво въ Іерусалимъ, а на десно ко святѣй горѣ и къ Селуню и къ Риму».. Смотрю «на десно», и ищу на морѣ Аѳона. Бывалыцы говорили, что при выходѣ изъ пролива сейчасъ же покажется св. гора, точно верхушка сахарной головы, выпикающая изъ моря. Напрасное усиліе. Не видно ничего. Надобно выплыть въ тотъ день года, и въ тотъ часъ дня, когда солнце садится прямо за аѳонскимъ полуостровомъ. Впрочемъ и мало вдали видится свободного моря. Острова *Лимно* и *Имеро* перего-раживаютъ дорогу зрѣнію, и представляется, что мы все еще плывемъ по проливу, только несравненно болѣе широкому. Наконецъ вошли дѣйствительно въ проливъ, между материкомъ съ лѣвой и островомъ *Тенедо* съ правой стороны. Островъ этотъ малъ, не высокъ, безлѣсенъ, вообще не вращенъ. Такимъ же представляется и одноименный ему городъ съ крѣпостію. Пароходы не останавливаются у города, и потому мы походили по нему только съ помощію трубы. Въ теченіе сутокъ мы совершили 300 верстъ. Довольно. Пора и отдохнуть.

Читаю сообщаемое Jtinerair'омъ ¹⁾ о Тенедо. Довольно подробно и отчетливо все сказано. Разумѣется, сказанія о св. *Авудимѣ* у француза не отыщешь. А распросить о немъ подробнѣе было не у кого. И относительно церковнаго управленія острова я также ничего не узналъ. За обѣдомъ (5 часовъ) намъ сообщили печальную вѣсть о крушеніи фрегата «Александръ Невскій». Въ разговорахъ о несчастіяхъ вольныхъ и невольныхъ, мнѣ пришлось въ первый разъ услышать объ одномъ обстоятельстве, котораго я доселѣ совершенно не зналъ, а именно, что будто бы когда-то не такъ давно, и гдѣ-то не очень далеко, замерзъ цѣлый русскій батальонъ пѣхоты, весь до одного человѣка, оттого, что лишній часъ времени простоялъ на морозѣ, въ ожиданіи какой-то церковной церемоніи. *Весь..* мнѣ кажется, уже черезъ-чуръ много. Опять сидимъ на верху. Паша тянетъ кальянъ. Юноша направляетъ свое стеклышко все въ ту же сторону и на тоже лицо. Дѣти гоняются другъ за другомъ по палубѣ, падаютъ, режутъ.. Троянскія горы все еще передъ глазами. Давно миновали мы и городъ съ запоздалымъ яменемъ Трои, т. е. *Александрію-Трою* или *Троаду* книги Дѣяній Апостольскихъ, заложенную Александромъ В. въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что знаменитая и многопѣтая «троянская столица» была на томъ самомъ мѣстѣ, тогда какъ по изысканіямъ оказывается, что пресловутый *Иліонъ* находился глубже въ материкъ верстъ на 25 отъ сей 18-й Александріи, прославившейся паче всѣхъ своихъ соименницъ, исключая великой Александріи египетской. Что сказать вамъ? Нѣтъ возможности смотрѣть на такія приснопамятныя мѣста, и не увлечься воображеніемъ въ давно отжившій міръ. Вѣдь это она—троянская война—со всѣми ея сказками и присказками, малѣй-

¹⁾ Jtineraire de l' Orient. par A. Joanne et E. Jsambert.

шею былью и несоразмѣрными небылицами происходила когда-то *тутъ*, волновала собою современный міръ, и переняла потомъ въ наслѣдство отдаленнѣйшимъ родамъ. Стараюсь, но напрасно, отгребаться отъ наплыва навязчивыхъ воспоминаній, вызываемыхъ именемъ Трои, но не къ Троѣ относящихся, не къ Пріаму и Агамемнону, и не къ деревянному коню, а къ одному большому, старому деревянному дому, стоявшему когда-то на высокомъ берегу большой рѣки, въ которомъ память ясно различаетъ 60—70 юныхъ ратасѣвъ науки, готовыхъ также при первой возможности выскочить изъ своей засады, какъ изъ троянскаго коня, но терпѣливо сидящихъ за книгами и тетрадами, и слушающихъ лекцію о троянской войнѣ, о Парисѣ и Еленѣ (вратцѣ), о Гомерѣ (пространно), объ Аеннѣ-Палладѣ (почти ничего) и о любезныхъ Гекторѣ и Ахиллесѣ, въ которыхъ каждый склоненъ признать или себя или своего «друга» или хотя сосѣда по скамейкѣ.. Прощай золотая Троя снѣжныхъ полей и невозвратимыхъ дней! Отъ Трои перехожу къ апостольской Троядѣ. Въ первый разъ мы выходимъ на слѣдъ «апостола языковъ». Онъ былъ, правда, и выше, проходилъ, какъ сказано, Мусію, т. е. эллисπονтскую область; но мы не знаемъ, гдѣ въ ней былъ, и гдѣ не былъ. Сошелъ, говорится, наконецъ въ Трояду. Здѣсь онъ увидѣлъ во снѣ какого-то македонца, который просилъ его придти въ Македонію и помочь имъ.. Можетъ быть, то былъ самъ основатель города, когда-то поклонившійся въ Іерусалимѣ истинному Богу и пожелавшій хотя по смерти истиннаго добра своей Македоніи. Апостолъ призналъ свой сонъ откровеніемъ Божиимъ, и немедленно отправился отсюда въ Македонію. Это была первая колонія христіанства въ Европѣ, по крайней мѣрѣ — первая извѣстная намъ. Пусть бы въ самомъ дѣлѣ это былъ духъ его, разнесшаго свое «эллинское» идолослуженіе по Азіи, раскаявшійся въ причи-

ненномъ имъ злѣ и взыскавшій Христа! Во второй разъ апостоль посѣтилъ Троаду, возвращаясь изъ Македоніи. Въ это время произошелъ извѣстный случай съ Евтихомъ. Въ Троадѣ мы знакомимся, хотя въ краткихъ чертахъ, съ совершеніемъ божественной литургіи въ самыя первыя времена церкви нашей. И день воскресный, и горница со свѣщами многими, и слово, простертое до полунощи, и фелонь, и книги, паче же кожанья.. Все это связапо съ завѣтнымъ и безъ того именемъ Трои. Христіанскій преподаватель эллинскаго баснословія пусть не забываетъ на урокахъ своихъ сего историческаго соотношенія Трои съ церковію и Омира съ Павломъ. Кромѣ апостола, стяжавшаго всемірное гражданство, проходя мимо Троады поклонникъ пусть припомнить и троядскаго гражданина *Карна*, у котораго оставался фелонь апостольскій, и который самъ былъ апостоломъ и первымъ епископомъ македонской *Веррии* (Вереи?). Паломникъ нашъ, назвавъ Троаду городомъ «великимъ» и «бывшимъ», упомянулъ и о проповѣди апостола въ немъ. Если я что нибудь сказалъ больше сего, то радуюсь тому. Слѣдующій за мною поклонникъ пусть дополнить насъ обоихъ.

Сумерки. Остановились на малъ часъ передъ какими-то *Макаронами*, о которыхъ я ничего до тѣхъ поръ не слыхалъ, я теперь не могу найти на двухъ моихъ картахъ. Прежде пароходы наши приставали къ городу Митилину на островѣ того же имени. Но послѣ недавняго землетрясенія, разрушившаго совсѣмъ городъ, мы оставили эту «скалу» (лѣстницу), какъ говорятъ здѣшніе моряки. Оставленный островъ высится по правую сторону парохода и почти не различается глазомъ. Мы еще разъ находимся въ проливѣ. «Отъ Тенеда острова до Металина острова 100 верстъ», говоритъ паломникъ. И больше и меньше, смотря по тому, откуда вести счетъ и гдѣ его окончить. Чуть не всю эту ночь мы будемъ

идти возлѣ Митилины. Тагъ она велика. По общему отзыву, это самый прекрасный изъ всѣхъ острововъ Архипелага. Два внутренніе обширные залива придаютъ ему особенный характеръ. Смотри на карту острова, невольно думаешь, что это кратеръ бывшаго когда-то въ незапамятныя времена вулкана. Его, перѣдко повторяющіяся, страшныя судороги подтверждаютъ эту мысль. Островъ прежде назывался *Лезвъ* (Лесбось), и въ наиболѣе цвѣтущее время свое принадлежалъ къ эолійскому союзу, заселившему своими городами противолежачій берегъ Малой Азіи. И здѣсь останавливался св. апостолъ Павелъ на пути своемъ изъ Малой Азіи въ Палестину. Островъ процвѣталъ не только произведеніями земли, но и христіанствомъ, какъ вездѣ на востокѣ имѣвшимъ и своихъ исповѣдниковъ. Изъ епископовъ его причисляются къ святымъ *Георгій* (7 апр.) и *Іоаннъ* (20 апр.). Извѣстны 5 дѣвицъ мученицъ лезвійскихъ (5 апр.) и преподобная *Теоктиста* лезвійская (9 ноября). Когда-то митрополія митилинская занимала 49-е мѣсто въ ряду прочихъ и имѣла подъ собою 5 епископій (въ числѣ ихъ и тенецкую). Въ другомъ расписаніи она уже значилась 11-ю въ числѣ архіепископій, и каедрою ей называется не Митилина, а Миѳилена. Теперь епархія митилинская возвышена на 30-ю степень. Нынѣшній митрополитъ Мессодій недавно рукоположенъ изъ великихъ протосунгеловъ патріарха вселенскаго.

Пароходъ идетъ впередъ, а мы отправляемся пить чай. Увѣряють, что завтра еще до солнца будемъ въ Смирнѣ, и простоиимъ тамъ до полудня субботы. Рассказываютъ про нѣкоего жителя Смирны, такого рѣдкаго руссофила, что стоить видѣть его. И чего-чего не говорятъ еще про Смирну и про дѣла ея! Увидимъ, когда будемъ на мѣстѣ. Чтобы во дни наши порядочно воспитанная христіанка, жена и мать двухъ-трехъ дѣтей, плѣтившись наружностію мусульманина, не

только рѣшилась уйти къ нему, не только приняла магометанство, но еще и рассказывала о явленіи ей Магомета, этому рѣшительно нельзя повѣрить. А тутъ дѣло идетъ не о христіанствѣ только, а еще и... но, право, тяжело договаривать. Еще разъ выхожу на верхъ. Ночь теплая. Полотняной кровли нѣтъ. Изъ-за горъ пергамскихъ всходитъ луна и бросаетъ слабый свѣтъ свой на противоположащій Лезвъ. Имя Пергама уноситъ мысль въ тайны Апокалипсиса. Мы проходимъ область приснопамятныхъ христіанству *седми церквей*. Одну изъ нихъ увидимъ завтра. Въ Пергамѣ жилъ и пострадалъ епископъ тамошній *св. Антипа*, къ которому съ такою вѣрою прибѣгаютъ одержимые зубнымъ недугомъ (11 апр.). Ему же принадлежитъ муч. *Марціалъ* съ 44 другими (13 апр.), и *св. Карпъ*, епископъ сосѣдней ефатирской церкви, съ *Папилою*, *Агаодоромъ* и *Агаоникой* (13 окт.). Пергамская кathedра рано вошла въ рядъ епископій асійской (ефесской) митрополіи. Теперь городъ *Бергамо* принадлежитъ къ смириской епархіи. Уходя спать, я еще посылаю незримому городу самое неслестное спасибо за его *пергаментъ*, сохранившій до нашего времени столько драгоценныхъ памятниковъ умственной жизни безслѣдно исчезающаго смертнаго рода нашего. Памятна мнѣ та минута умиленія, когда я въ первый разъ увидѣлъ «кожаную книгу», о которой зналъ до тѣхъ поръ только по слуху и по описанію. Смотря на нее, я еще не смѣлъ назвать ее тогда пергаментной, отъ великаго уваженія къ невиданному пергаменту.

Ефесъ 27 сент. На восходѣ солнца «Аскольдъ» бросилъ якорь передъ *Смирной*. Поспѣшилъ встать и выйти на верхъ, чтобы полюбоваться славнымъ городомъ. Волхвы принесли Младенцу-Богу *смирну*. Великій праздникъ знаменовался въ родномъ храмѣ куреніемъ *смирны*. Съ дѣтства, потому, привыкъ слухъ къ благоуханному имени, говорив-

шему ему не только о праздникѣ, но и о самомъ Впоеемѣ. Чего-то, не похожаго на будни, я ожидалъ и отъ нынѣшняго дня. Смирна не поражаетъ собою, какъ Константинополь. Это большой, густо застроенный и широко раскинувшийся по берегу, городъ, поднимающийся задними кварталами своими къ сухому и голому холму, увѣчанному на вершинѣ развалинами бывшей крѣпости. Поверхъ домовъ, по обычаю, возвышается множество тонкихъ минаретовъ. Но есть и колокольни. Одна (соборная) такъ высока, что напоминаетъ собою наши русскія. Видится нѣсколько высокихъ изящной фигуры куполовъ, съ крестомъ на верху, чего въ Царѣ-градѣ не увидишь. Справедливо говорятъ, что Смирна есть первый изъ христіанскихъ городовъ Турціи. Получаемъ «практику», т. е. дозволеніе свободнаго сѣзда на берегъ. На пароходъ устремляются, точно хищныя птицы на добычу, лодочники, пхая другъ друга, крича и ссорясь и ловя пассажировъ. Зрѣлище хотя и не новое уже, но все же напрашивающееся на слово о себѣ. Начальствомъ объявляется, кому вѣдать слѣдуетъ, что пароходъ простоятъ на мѣстѣ завтра до 12 часовъ дня. Какъ скоротать такое длинное время? Для осмотра Смирны и съ крѣпостію довольно, говорятъ, трехъ-четырехъ часовъ. Является сильное желаніе воспользоваться нынѣшнимъ днемъ и сѣздить по желѣзной дорогѣ въ древній Ефесъ. Прежде я спрашивалъ кой-кого о дорогѣ туда, но отвѣты получалъ неясные. Видно было, что спрашиваемый не бывалъ самъ въ Ефесѣ. Осталось вѣрнаго въ памяти только то, что отъ Смирны до Ефеса три часа пароваго пути. Съ 3-мя часами туда, 3-мя обратно и 3-мя, проведенными на мѣстѣ, можно какъ нибудь изворотиться въ теченіе дня, думалъ я, и рѣшился немедля отправиться на берегъ и оттуда на желѣзную дорогу. Нанимаемъ лодку. Подвертывается какой-то русскій лодочникъ, и убѣждаетъ а *honesto* оказать предпочтеніе

своему передъ чужими. Ёдемъ съ своимъ. На берегу у насъ (числомъ двоихъ) спросили паспорта. Взглянувъ на нихъ и на насъ, какой-то писецъ объявилъ намъ, что мы свободны идти въ городъ, и что паспорта онъ удержалъ у себя и отдастъ намъ тогда, когда мы будемъ возвращаться на пароходъ. Такой строгой мѣры, какъ говорятъ, прежде не было. Мы подчинились ей, хотя не безъ страха и жалѣнія оставили свои документы въ рукахъ Богъ-знаетъ кого. Тотъ же лодочникъ отвезъ насъ къ мѣсту пабережной, называемому *пунта* (*punctum*). Оно находится въ восточной окопечности города. Свой содралъ вчетверо дорожку, чѣмъ слѣдовало, т. е. вмѣсто пяти 20 піастровъ (левовъ—тоже). Мы боялись, что здѣсь опять кто нибудь потребуетъ паспорта наши, и выйдетъ исторія. Но обошлось все благополучно. Отъ мѣста высадки нашей до зданій желѣзной дороги будетъ съ небольшимъ полверсты. Надобно знать, что отъ Смирны идутъ двѣ желѣзныхъ дороги, одна въ *Манисію* (Маниса), другая въ *Аидинъ*. Ефесъ лежитъ на аидинской дорогѣ. Не медля ни минуты, мы отправились собирать свѣдѣнія о томъ, какъ и что. Оказалось, что почтовый поѣздъ ушелъ уже давно, а другой такой же пойдетъ изъ Смирны уже завтра утромъ; во къ утѣшенію (ох!) нашему оставался еще поѣздъ «извозный», который долженъ былъ отправиться въ 7 часовъ съ четвертью. На счетъ же возвращенія въ Смирну намъ сказали, что можно прибыть обратно или завтра съ почтовымъ поѣздомъ, въ половинѣ втораго часа по полудни, или сегодня вечеромъ съ извознымъ поѣздомъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ нельзя уже рассчитывать на какое нибудь класное мѣсто въ вагонѣ, а придется ѣхать на платформѣ. Мы не побрезговали ничѣмъ, лишь бы увидѣть Ефесъ. Свѣрили часы, и пошли дожидаться указанного времени. Говорить ли о встрѣчѣ съ упомянутымъ вчера руссофиломъ, которому трудно

пріискать похвалу, достойную его безпримѣрной и совершенно безкорыстной (даже положительно накладной) услужливости? Съ перваго рукопожатія мы были уже свои другъ другу. Вводя насъ въ свой домъ, почтенный человѣкъ сказаль торжественнымъ тономъ: здѣсь Россія; тутъ вашъ домъ, а это ваша семья! Все это онъ проговарилъ русскимъ языкомъ, которому выучился кос-какъ самъ одинъ дома съ пособіемъ русскихъ книгъ. Вскорѣ мы увѣрились, что геркулесовскимъ подвигомъ добытая русская рѣчь исходила изъ сердца истиннаго патріота русскаго, на-диво всѣмъ никогда и не бывавшаго въ Россіи, ни съ какой стороны не породнившася съ нею и не имѣющаго никакихъ (въ родѣ торговыхъ) сношеній съ нею. Одно восторженное увлеченіе величіемъ и славою Россіи, и ничего болѣе! Это остатокъ тѣхъ греговъ Екатериинскихъ временъ, которые готовы были пострадать, какъ мученики за русское имя.

Въ 9 часовъ мы были уже въ воксалѣ желѣзной дороги. Взяли себѣ билеты до *Айд-солукъ*, впередъ и обратно, и снова получили самое положительное завѣщеніе, что въ 6¹/₂ или много 7 часовъ вечера будемъ опять въ Смирнѣ. Достаточно было одного легкаго намека «соотечественнику», чтобы онъ, бросивъ все дѣла свои и не увѣдомивъ ни словомъ свое семейство, сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ вагонъ, и покатился туда же, куда и мы. Всѣхъ остановокъ отъ Смирны до Айдина 8 или 10, не припомню хорошо. Мы должны были выйти на 6-й станціи. Переѣздъ нашъ до нея длился три часа съ небольшимъ. Отъ самой Смирны полотно дороги все идетъ незамѣтно поднимаясь. Рельсовъ положена одна пара. На срединѣ всего пути поѣзды передній и обратный сжидаются и разминаятся. На 2-й станціи поѣздъ забралъ съ собою человѣкъ 10 рабочихъ. Стало извѣстно, что сегодня утромъ произошло какое-то маленькое несчастіе на дорогѣ по близости Айдина.

Не поправилось намъ это, но что было дѣлать? Пронеслись черезъ искусственный разсѣкъ горы. Думалось, что отъ страшнаго сотрясенія громадныхъ скалы ринутся одна на другую, и раздавать вагонъ, какъ яичную скорлупу. Ъдемъ постоянно долинами, слѣдуя направленію ихъ. Кругомъ видятся горы. Сель и даже малыхъ хуторовъ не замѣтно нигдѣ по сторонамъ. Палящій зной умѣряется нѣсколько образующимися отъ движенія поѣзда вѣтеркомъ. Полдень. Остается намъ уже одинъ только переѣздъ. Впереди стелется поле, и на немъ видѣнъ высокій холмъ съ стѣнами старой крѣпости. Говорятъ, что онъ принадлежитъ уже Ефесу. Сперва онъ видѣлся по лѣвую сторону дороги, а потомъ перешелъ на правую. Мы поравнялись съ нимъ, минули его, и сейчасъ же остановились передъ навѣсомъ станціоннаго дома. Мы вышли изъ вагона, а поѣздъ помчался далѣе. Достигли такимъ образомъ благополучно мѣста, куда стремились съ такимъ нетерпѣніемъ. На вопросъ нашъ, сколько часовъ мы тутъ имѣемъ въ своемъ распоряженіи, другими словами: когда мы должны тутъ ожидать обратнаго поѣзда, намъ отвѣтили разсѣянно: три.. четыре.. имѣете время, осмотрѣть все.. Не понравилась намъ такая рѣчь. Спутникъ присталъ къ непрошеному дипломату, требуя отъ него яснаго и точнаго извѣщенія о часѣ и времени прихода поѣзда. Отвѣтъ былъ, къ удивленію, не лучше прежняго. Не все ли вамъ равно, если часомъ ранѣе или позже вы будете въ Смирнѣ? Такъ сказали намъ. Да въ томъ-то и все дѣло, что будемъ ли сегодня въ Смирнѣ, спросилъ наконецъ запальчиво нашъ предстатель. Они люди чужіе и ввѣрились мнѣ, а я вамъ. Знаете ли вы это? Успокойтесь, еще разъ отвѣтили намъ, единственная не возможная вещь на свѣтѣ, чтобы вы не возвратились въ Смирну.. Такое завѣреніе, похожее на клятву, дѣйствительно успокоило насъ. Мы сѣли на лавки, и стали всматриваться въ окружавшіе

насть предметы. Станція выстроена совершенно въ пустомъ мѣстѣ, состоитъ изъ двухъ домовъ и имѣеть видъ еще незаконченный. При ней есть локанда и кофейня. Насть приглашали воспользоваться услугами той и другой, но мы спѣшили видѣть Ефесъ, и отказались отъ всего. Локандіеръ однако же не потерялъ отъ того духа, и собрался съ своими маслинами и арбузами, селедкой и виноградомъ (сегодня постный день) идти слѣдомъ за нами. Въ ожиданіи лошадей прячемся въ тѣни навѣса отъ жгучихъ и ослѣпляющихъ лучей солнца. Впереди, т. е. къ югу отъ станціи, съ востока на западъ тянется рядъ столбовъ, принадлежавшихъ нѣкогда водопроводу. Они всѣ составлены изъ большихъ четырехугольных кусковъ бѣлаго мрамора, взятыхъ изъ прежде существовавшихъ зданій. Тамъ и сямъ попадаются между камнями и покрытые древними (греческими) надписями. Соединившія ихъ вверху арки не существуютъ болѣе. При видѣ этой, такъ сказать предисловной, древности Ефеса, воображеніе окриляется и душа радуется, а чей-то невольный со стороны отзывъ о желѣзнодорожномъ управленіи, въ томъ смыслѣ, что на его слова и обѣщанія полагаться не слѣдуетъ, заноситъ въ сердце безпокойство. Ёдемъ три всадника. Впереди скородитъ мѣстный чичероне *Никол* или, съ полнымъ титуломъ, *барба Никол* (дядя Николай). Сзади весело подпрыгиваетъ молодой харчевникъ (тоже грекъ) съ арбузами и проч. Поравнялись съ бѣднѣйшею деревушкой *Айя-солукъ*. Населеніе ея смѣшанное христіано-магометанское. Христіанскихъ семействъ около 20. Говорятъ всѣ по турецки; ни церкви ни священника у нихъ нѣтъ. Послѣдній пріѣзжаетъ ипогда къ нимъ откуда-то по сосѣдству для исправленія требъ. Мы оставили селеніе влѣво, и стали подниматься прямо, на оный холмъ съ крѣпостію, который ученый спутникъ нашъ почтилъ именемъ *Акрополя*, по сходству его съ знаменитымъ Акрополемъ аѳинскимъ.

На скатѣ холма съ южной его стороны высятся особнякомъ развалины какого-то большого зданія, какъ бы дворца, кладенного изъ тесаныхъ кусковъ синеватаго мрамора. Большая и изящная дверь въ видѣ триумфальной арки вводитъ въ развалины. На сводѣ ея чуть замѣтны очертанія иконъ. Провожатый назвалъ бывшее зданіе храмомъ апостоловъ. Взираясь на высшую точку огромной массы мусора, и видимъ передъ собою четырехугольную продолговатую яму, уставленную тремя рядами мраморныхъ колоннъ, по 4 въ каждомъ. Ее называли церковію *св. Богослова* (Іоанна). Къ западной окраинѣ ямы пристроены убогіи алтарь, т. е. нѣчто въ родѣ престола, сложенного безъ цемента изъ обломковъ разваливагося зданія, ничѣмъ не прикрытый и не защищенный. На камняхъ его видны въ одномъ мѣстѣ начало латинской надписи IMP (erator.), въ другомъ конецъ греческой... ΛΟΥ†. Кто въ состояніи опредѣлить значеніе всѣхъ этихъ развалинъ? Пріятно бы думать, конечно, что здѣсь была церковь во имя возлюбленнаго ученика Христова, и что церковь была надъ могилою апостола. Можетъ быть, между археологами это уже считается положительнымъ, да только мнѣ неизвѣстно. Яма, однако же, болѣе даетъ видѣть въ себѣ цистерну, нежели церковь. *Можетъ быть, она была подѣ церковію.* Спустившись обратно черезъ тѣ же ворота на подгорье «Акрополя», мы разсудили, что если поѣдемъ вверхъ осматривать его, то потеряемъ цѣлый часъ времени, нужнаго для обозрѣнія собственно Ефеса, а приобрѣтемъ весьма мало, потому что ничего особенно замѣчательнаго тамъ нѣтъ, и вся крѣпость—сравнительно недавняго времени, можетъ быть даже—турецкаго. Бывшій въ рукахъ нашихъ Itineraire совѣтуетъ взобраться на гору Coressus, и оттуда оглядѣть все мѣстоположеніе древняго Ефеса, для объѣзда котораго требуется, по его увѣренію, 4 часа времени. Добрый совѣтъ. Но чтобы

взобраться на Корессъ, нужно сперва отыскать его, ибо теперь этимъ именемъ никто ничего тутъ не называетъ. А кромѣ того, чтобы добраться до рекомендуемаго наблюдательнаго пункта, можетъ быть понадобится употребить еще другіе четыре часа. Удовольствовавшись ласкательною мыслію, что мы стоимъ на Корессѣ, мы посмотрѣли на разстилавшееся передъ нами широкое поле, обставленное съ сѣвера и юга горами, а на западѣ оканчивающееся морскимъ берегомъ, на разстояніи примѣрно 10 верстъ. Красиво оно даже теперь, при совершенномъ запустѣніи. Встарину, должно быть, было прекрасно. Прямо передъ нами видѣлись тамъ и сямъ 5—6 старыхъ строеній съ куполами, похожихъ то на мечети то на бани, изъ коихъ одно удивляетъ своею величиною, и, судя по Итинереру, есть въ своемъ родѣ большая рѣдкость. Мѣстность, занимаемая этими немногими развалинами, принадлежитъ Ефесу послѣдняго періода византійско-турецкаго. За предѣлами ся на далекое пространство не видно ничего, кромѣ пахатной земли, оканчивающейся къ югозападу плоскимъ холмомъ, на которомъ различается цѣлый рядъ развалинъ другаго характера, чѣмъ стоящій за нами Акрополь. Третій холмъ, или и просто гора, стоитъ въ отдаленности какъ бы надъ самымъ моремъ и также увѣнчанъ развалинами. Отъ него до упомянутаго выше водопровода будетъ, я думаю, верстъ 15. Изъ этого уже можно заключать, какой громадный городъ былъ въ свое время Ефесъ, этотъ *святъ Азіи, знаменитѣйшій изъ городовъ Іоніи, священный и самозаконный*, какъ пишется онъ на монетахъ и восхваляется у поэтовъ. Итинереръ говоритъ, что Ефесъ перемѣщался 7 разъ. Понятно, потому, его безмѣрное протяженіе, свидѣтельствуемое развалинами всякаго вида и значенія. Мы направились къ большой мечети, казавшейся цѣлымъ замкомъ или монастыремъ. Но пути захали къ малой мечети, передѣланной

по вѣмъ признакамъ изъ церкви. Мраморные косяки ея двери украшены чистою рѣзбою византійскаго стиля. За то большая мечеть есть чистый образчикъ мавританскаго стиля. Совнѣ она кажется огромнымъ четверугольникомъ стѣнъ, пробитыхъ рядомъ оконъ и плѣняющихъ взоръ бѣлизною камня, чистотою кладки и изяществомъ (въ своемъ родѣ) украшеній. Особенно красива лицевая (западная) сторона зданія съ своею высокою и стройною дверью, къ которой восходили когда-то по двумъ бѣломраморнымъ лѣстницамъ. Надъ самою дверью возвышается минаретъ искусной кирпичной кладки. Болѣе половины четырехугольника занято дворомъ, примыкающимъ съ сѣвера собственно къ тому, что надобно назвать мечетью. Дворъ когда-то обставленъ былъ крытою галлереею, а посрединѣ имѣлъ фонтанъ. Теперь ничего этого нѣтъ. Обѣхавъ его кругомъ, мы сошли съ лошадей, и вошли тройной дверью внутрь храма. Его надобно представлять одною большою длинною залою, посрединѣ которой съ востока на западъ идетъ рядъ огромныхъ гранитныхъ колоннъ, числомъ четырехъ, соединенныхъ между собою и со стѣнами арками. Выходило бы нѣчто величественное, если бы зала не была перегорожена двумя стѣнами на три, почти равныя части. Нѣтъ сомнѣнія, что колонны суть самое старожилое въ этомъ зданіи. Онѣ очевидно суть остатки еще языческаго храма, которымъ вѣроятно воспользовались христіане, устроивши изъ нихъ и при нихъ свою церковь ¹⁾. И можно бы гадать, что это была славная церковь Богоматери, въ которой собирався третій вселенскій соборъ. Крыши надъ зданіемъ нѣтъ, и все оно представляется въ полномъ разрушеніи. Некому уже возстановить его. Магометанство поте-

¹⁾ Что это не постройка христіанская, въ томъ убѣждаетъ необычное расположеніе колоннъ, и тѣхъ—только четырехъ! Окружность колоннъ вижу 20 четвертей.

ряло вѣру въ свою жизненность, и усердно помогаетъ истребленію памятникѣвъ своею минувшей славы. Около станціи мы видѣли много мраморовъ, украшенныхъ арабесками и даже цѣлыми цитатами изъ Корана, предназначенныхъ къ перетескѣ и перемѣщенію въ Смирну. Sic transit и проч.! Основанія западной стѣны представляются впрочемъ очень древними. Камни ихъ взяты изъ зданій языческаго города. На двухъ изъ нихъ видны греческія надписи, и одна поставлена въ обратномъ положеніи. Въ наиболѣе уцѣлѣвшей читается имя Артемиды.. Еще бы въ Ефесѣ не встрѣтиться съ именемъ *великія богини Артемиды, юже вся Азія и вселенная почитаетъ!* Не дивитъ меня эта дѣтская похвальба ефесянъ своимъ божествомъ, но достойно замѣчанія, что на долю Ефеса выпало наиболѣе чистое и цѣломудренное изъ божествъ языческой вѣры. Имъ прозагалась и очищалась дорога къ имѣвшему утвердиться въ Ефесѣ чествованію Приснодѣвы и ея нареченнаго сына Дѣвственника. Камень съ именемъ Артемиды легъ стражемъ при входѣ въ храмъ святой Дѣвы! Что и отъ кого онъ сторожитъ теперь, одинъ Господь вѣдаетъ.

Идемъ отъ стараго къ стародавнему Ефесу, занимавшему собою упомянутый плоскій холмъ *Пріонъ*, тянуційся съ востока на западъ версты на полторы или и болѣе, и служившій нѣкогда средоточіемъ города. Мы направляемся вдоль его по сѣверной сторонѣ; поселяне молотятъ *дурру* (родъ крупнаго проса) лошадьми. Высматриваемъ, но напрасно, прославленную рѣку *Каистръ* или *Кавстръ* (жгуцій,—въ переводѣ), на волнахъ коего разносилось когда-то лебединое ¹⁾ пѣніе, если вѣрить Овидію. Лугъ кавстрійскій воспѣтъ былъ и другимъ поэтомъ римскимъ Виргиліемъ. Особенно онъ сла-

¹⁾ Не подалеку отъ Ефеса былъ въ старину городъ *Лебедъ* (*Λεβεδος*, *Lebedos*)...

вился своими пѣвучими птицами. Около большой мечети мы дѣйствительно видѣли цѣлую стаю птицъ, въ родѣ нашихъ галокъ или грачей. Ихъ намъ называли туземнымъ именемъ *карѣ*. Слыхалъ я еще въ дѣтствѣ про птицъ этого имени (пропущеннаго въ нашемъ Академическомъ Словарѣ. N В.), но, кажется, то разумѣлись вороны. Какъ бы то ни было, галка или ворона, все же это не такая птица, которой можно было бы заслушаться. Можетъ быть, въ весеннее время и теперь ефесское поле оглашается богохвалебнымъ щебетомъ многихъ тысячъ голосовъ. «Итинереръ» совѣтуетъ ѣхать въ Ефесъ весною.. Пусть другой кто нибудь воспользуется добрымъ совѣтомъ. Я... но зачѣмъ забѣгать впередъ? На скатѣ Пріона глазъ различалъ длинную темную полосу. Къ ней мы и направились. По мѣрѣ приближенія къ горѣ, стали попадаться куски тесанаго камня и обломки колоннъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ камней было больше, намъ указали на большую плиту мраморную съ длинною греческою надписью. За спѣшностію мы не остановились у нея. Подъѣзжаемъ къ оной темной полосѣ, и видимъ длинный рядъ комнатъ со сводами, служащихъ теперь загономъ для овецъ и козъ, и неизвѣстно чѣмъ бывшихъ нѣкогда. Минуемъ мѣсто, усыпанное, такъ сказать, гравитными колоннами не большого размѣра. Заворачиваемъ къ югу и подъѣзжаемъ къ огромной кучѣ развалинъ, надъ конями высится стѣна съ широкою и красивою аркою, похожею на видѣнную прежде у «св. апостоловъ». По видимому, когда-то это были ворота ефесскаго Кремля или Вышгорода (Акрополя). Они, очевидно, римской и даже не ранней эпохи. Въ стѣнѣ видны камни съ латинскими надписями разрозненными и даже поставленными низомъ вверхъ. Разрушеніе легло на Ефесъ многими послѣдовательными слоями. Если бы не надписи и не особенности архитектурныхъ стилей, то въ такомъ хаосѣ нѣмыхъ и слѣпыхъ свидѣтелей отжившаго міра не

разобралъ бы и не опредѣлилъ бы ничего. Въ отрывкахъ латинскихъ надписей встрѣтилось имя: *Nicserph (orus)*, *Никифоръ*, а въ одной греческой читается: *ὁ ἐπὶ ἐκκλησίας γυναικῶν*, *называемый бѣллицей*. Пристальнѣе всматриваться въ развалины было некогда.

За этими развалинами, вдающаяся въ холмъ узкая лощинка говоритъ, кажется, о существовавшемъ тутъ *Stadion* или *Бѣгъ*. Мы повернули отъ Пріона прямо къ морю на западъ, миновали множество колоннъ то цѣльныхъ, то сломанныхъ, то поверженныхъ на землю и вросшихъ въ нее, то еще кое-гдѣ возвышающихся надъ нею. Почти всѣ, впрочемъ, видѣнныя мною не отличаются размѣрами, и далеко не достигаютъ объема тѣхъ, что стоятъ въ мечети. Николи привелъ насъ къ цѣлой глыбѣ бѣлаго мрамора, обдѣланной въ видѣ чаши или, точнѣе, блюда съ выгнутымъ посерединѣ дномъ. Онъ назвалъ камень крестильницей апостола (Іоанна), и говорилъ, что въ этой «купѣли» крещены были первые христіане Ефеса. Памятникъ древности любопытный. Онъ значительно поврежденъ. Стоитъ теперь одиночно, и въ томъ предположеніи, что не измѣнялъ никогда своего мѣста, зоветъ къ себѣ кирку досужаго археолога—копателя. Продолжая путь свой все въ прежнемъ направленіи, мы достигаемъ новой кучи развалинъ, похожей издали на башню. «Итинераръ» называетъ это мѣсто *αγορῆς*, т. е. базаромъ бывшаго города. Въ башнѣ есть ходы вверхъ и внизъ. Вверхъ мы немного взбирались, а внизъ не пошли, ибо не имѣли съ собою свѣтъ. Между тѣмъ вожатай передавалъ общую молву, что тутъ есть цѣлый подземный городъ съ домами, улицами и даже озеромъ въ одномъ мѣстѣ, въ которомъ есть и рыба.. Очевидно, что не о чемъ было жалѣть, не побывавши въ подземномъ Ефесѣ. За этими развалинами не видится далѣе къ морю никакихъ уже (по крайпей мѣрѣ значительныхъ)

другихъ. Да и чичероне нашъ ничего памъ не сказалъ въ этомъ смыслѣ.

Мы обратились лицомъ своимъ назадъ. Прямо противъ насъ высился Пріонъ, загораживая собою весь восточный горизонтъ. На скатѣ его прежде всего бросается въ глаза, страшно исковерканный людьми и временемъ, большой театръ, тотъ самый, о которомъ говорится въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (гл. 19). Направляясь къ нему, мы проѣхали мимо вновь открытыхъ любознательными англичанами бѣломраморныхъ основаній какого-то большого зданія съ колоннами. Но, конечно, не это—напрасно доселѣ искомый, знаменитый храмъ Артемиды. Тотъ былъ по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе этого. Мы сошли съ коней, и вскарабкались на обвалившуюся стѣну театральной сцены. Нельзя представить, сколько тутъ и въ какомъ беспорядкѣ лежитъ самой лучшей доброты мрамора. Глаза разбѣгаются, и не знаешь, на чемъ остановиться. Есть много камней съ греческими надписями языческаго времени до-римской эпохи. Лазя туда-сюда, я наткнулся и на христіанскую надпись, свидѣтельствующую, къ сожалѣнію, о продолжавшейся у ефесянъ пустотѣ и суетности духа, ревновавшаго, какъ видно, кровавымъ забавамъ Византіи. На дверяхъ бывшей сцены кто-то утѣшилъ себя, начертавши съ одной стороны: *благочестивымъ царямъ многія мѣта*, а съ другой: *христіанамъ благочестивымъ и зеленымъ многія мѣта!* «Зеленымъ» можно заявлять о себѣ и въ зданіи театра, а «благочестивыхъ христіанъ» охотиѣ встрѣтилъ бы кто при храмѣ Божіемъ. Въ хаосѣ разрушенія видны и обломки статуи. Особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе и возбуждаютъ жалѣніе куски большого рельефнаго изображенія какого-то всадника или другаго кого, съ сохранившимися на нихъ слѣдами красокъ. Не надобно забывать, что въ Ефесѣ жили Апеллесъ и Парразій..

*

Неумолимые часы напомнили, что засматриваться нельзя на что бы то ни было, ни даже исторически прислушиваться къ тысячеголосному воплю: *велика Артемиды ефесская*, гремѣвшему тутъ когда-то по подсказу одного благочестивца, уязвленного въ самую глубину сердца апостольскою проповѣдью, — въ доходную статью! Возлѣ театра по близости полагають мѣсто цирка, а за циркомъ на подгорьи будтобы и мѣсто пресловутаго храма, сожженного ¹⁾ «бессмертнымъ» Еростратомъ. Я не поѣхалъ смотрѣть указываемое мѣсто, ибо напередъ зналъ, что оно не тамъ. Древніе писатели прямо и положительно говорятъ, что храмъ стоялъ «между городомъ и пристанью», слѣд. далеко за городомъ. Достоинно удивленія однакоже, что такая громада камня, какой требовалъ для себя двукратно строенный и, несомнѣнно, огромнѣйшій храмъ, безслѣдно исчезла куда-то, на муку язычествующимъ археологамъ и на похвалѣбу проповѣдникамъ Евангелія. Огибаемъ Пріонъ съ южной стороны. Между нимъ и большою горою (Корессомъ?) оказывается неожиданно цѣлая долина. Она вся усеяна развалинами, большею частію уже ушедшими въ землю. По дорогѣ мы видѣли сперва остатки кирпичной постройки съ арками, потомъ въ косогорѣ малый театръ, затѣмъ цѣлый храмъ, обращенный въ груды кусковъ бѣлаго мрамора и недавно открытый въ землѣ все тѣмъ же «Англезомъ», который, по словамъ вожатаго, роется неумоимо, какъ протъ, и конечно чего нибудь дороется. Даже и обогнувши кругомъ старожильный холмъ Ефеса, и снова выѣхавши на Айясолукское поле, мы все еще нападали на шахты, въ глубинѣ которыхъ видѣлись остатки древнихъ построекъ, большею частію большіе, гладко тесаные, камни.

¹⁾ Понять не могу, какъ можно зажечь и сжечь огромный храмъ, весь построенный изъ камня, особенно же, если этотъ камень гранитъ. Можетъ быть, сгорѣла только кровля?

Спѣша, сколько можно, подъѣзжали мы къ деревнѣ, страшась каждую минуту услышать несущійся вдали поѣздъ. Первый встрѣчный завѣрилъ насъ, что машина еще не проходила. Наконецъ мы на станціи. Полные утомленія и удовольствія, сошли съ лошадей и сѣли подъ навѣсомъ на лавку. Заходящее солнце золотило окрестныя горы. Такъ было хорошо! Готовые летѣть въ Смирну на крыльяхъ пара, мы прислушивались къ малѣйшему отдаленному гулу. Всякую передачу впечатлѣній, всѣ мысли и соображенія на счетъ того, что видѣли и чего не выразумѣли въ Ефесѣ, мы оставили для вагона..

(Продолженіе будетъ).

